

Л. Н. Толстой

Произведения 1902-1904 гг

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Т52

Т52 **Толстой Л.Н.**
Произведения 1902-1904 гг / Л. Н. Толстой – М.: Книга по Требованию, 2021. –
730 с.

ISBN 978-5-4241-0713-9

ISBN 978-5-4241-0713-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем томе публикуется часть произведений позднего периода творчества Л. Н. Толстого: повесть «Хаджи-Мурат» с ее многочисленными вариантами, над которой он работал с 1896 по 1904 г., и публицистические статьи 1902—1903 гг.: «К рабочему народу», «К политическим деятелям», «Что такое религия и в чем сущность ее?», «О Шекспире и о драме».

В этих произведениях с большой силой сказались и величие и слабость Толстого как художника и мыслителя, в них предельно ярко отразились гениально вскрытые В. И. Лениным противоречия его творчества.

Острейшие противоречия в творчестве Толстого — это отражение тех в высшей степени противоречивых условий, в которые была поставлена жизнь пореформенной России эпохи подготовки революции 1905 года. «Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как *крестьянской* буржуазной революции»¹, — писал В. И. Ленин.

I

Мировоззрение Толстого отразилось в «Хаджи-Мурате» во всей своей сложности и противоречивости. Сюжет повести находится в полном соответствии с действительными исто-

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 15, стр. 183.

рическими событиями. Но вместе с тем, Толстой освещает эти события с позиций, характерных для него как выразителя идеологии патриархального крестьянства.

Естественность жизни горцев, их цельность, близость к природе, чистоту нравов Толстой резко противопоставляет лжи, лицемерию, цинизму и разврату «цивилизованного» общества.

Своеобразие «Хаджи-Мурата», сравнительно с другими произведениями позднего Толстого, заключается в том, что идея непреклонной борьбы «до последнего» звучит в повести как основной мотив, объективно опровергая проповедь «непротивления злу насилием».

Художественные особенности повести — лаконичность, законченность характеристик, лирическая взволнованность повествования — свидетельствуют о необычайной творческой силе Толстого, обогащенной долголетним писательским опытом. Поэтому художественное воздействие «Хаджи-Мурата» на читателя не уступает по своей силе воздействию других величайших произведений писателя. Горький говорил об этой повести: «Да, когда я читаю Толстого или Чехова, какое огромное спасибо говорю им. И мне кажется, что эти творцы умели выражать всё. Разве можно написать «Хаджи-Мурата» лучше? — Нам кажется — нет. Толстому казалось можно!»¹

На содержании и художественной форме повести сказались и новые требования, предъявленные Толстым к искусству и сформулированные незадолго до создания «Хаджи-Мурата» в трактате «Что такое искусство?». Ценителем искусства должен быть весь народ, и потому по форме оно должно быть доступным и понятным народу. «Краткость, ясность и простота выражения», эти неперемненные требования Толстого к подлинному искусству, отразились в совершенстве формы повести, в ее безыскусственной поэзии, гениальной простоте.

Как видно из содержания повести, из ее многочисленных вариантов, и как это показано в статье А. П. Сергеевко «История писания «Хаджи-Мурата», Толстой интересовался борьбой гор-

¹ Всеволод Иванов, «Встречи с Максимом Горьким», изд. «Молодая гвардия», М. 1947, стр. 79.

цев Кавказа на протяжении почти всей своей литературной деятельности. Он тщательно изучал исторические, этнографические и мемуарные источники, относящиеся к Кавказу, и потому сумел дать в своей повести верную до мельчайших деталей картину исторической и бытовой обстановки Кавказа и происходивших там во время царствования Николая I событий.

Однако действительный историзм заключается не только в воссоздании верной картины обстановки исторических событий, но прежде всего в раскрытии их объективно-исторического смысла, т. е. в правильной оценке изображаемых событий и лиц.

Присоединение Кавказа к России было исторически прогрессивным делом, так как ввело территорию Кавказа в сферу европейского рынка и связало отсталые производственные силы Кавказа с развивающейся капиталистической экономикой России. Бесспорно и то, что огромное значение для развития культуры кавказских народов имело установление связей с великой русской культурой. Энгельс в письме к Марксу от 23 мая 1851 г. писал: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку».¹

Но это лишь одна сторона вопроса. Вторая заключается в том, что присоединение Кавказа происходило насильственным путем, в процессе колониальных войн царизма. Это вызывало гневный протест Толстого, ярко отраженный в повести «Хаджи-Мурат». Однако движение горцев было использовано религиозными фанатиками-мюридами и Шамилем, опиравшимся на Турцию и Англию, в своих деспотических целях и приобрело поэтому реакционный националистический характер. Мюридизм, разжигая ненависть кавказских племен к русским, вместе с тем стремился увековечить самые отсталые черты феодально-патриархального быта горцев. Администрация Шамиля, наибы — наместники областей — зачастую, особенно в последние годы войны, превращались в новую феодальную знать, начинавшую эксплуатировать бедняцкие массы горцев ничуть не хуже старых феодалов. Известны неоднократные массовые возмущения против наибов.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, М. 1932, стр. 211.

Толстой в «Хаджи-Мурате» резко осуждал и вождя горцев Шамиля и колонизаторскую политику Николая I.

В одном из вариантов главы о Николае I он писал:

«Гибли сотни тысяч солдат в бессмысленной муштровке на учениях, смотрах, маневрах и на еще более бессмысленных жестоких войнах против людей, отстаивающих свою свободу то в Польше, то в Венгрии, то на Кавказе».

Но, бичуя самодержавный деспотизм Николая I и его сатрапов, обличая в оценке кавказской войны лживость официальной историографии, Толстой в то же время пытается истолковать изображаемые события и поведение своих героев в морально-этическом плане, оценить их с точки зрения «вечных истин» религии, дополнить реакционной проповедью «непротивленства». Всё это не может не нарушить жизненной правды и художественной цельности произведения.

К оценке действующих в повести исторических лиц — Николая I и Воронцова — Толстой подходит также с морально-этической точки зрения, но, постепенно углубляя их характеристики, рисует всё же исторически верные, обличительные портреты, что является безусловной победой реализма Толстого. Таков образ наместника Кавказа Воронцова-старшего; читатель «Хаджи-Мурата» ясно видит, что это тот самый царский сатрап Воронцов, у которого младшим чиновником служил сосланный Пушкин, давший ему бичующе меткую характеристику:

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

Образу Николая I Толстой уделяет особое внимание. Материал о Николае I, собранный и изученный Толстым, значительно больше того, что вошло затем в повесть «Хаджи-Мурат» и в другие произведения Толстого. Очевидно, в «Хаджи-Мурате» Толстой ограничился одной главой о Николае I потому, что не хотел нарушить художественную пропорцию повести, надеясь в дальнейшем написать о нем самостоятельное произведение. Тема о Николае I так и осталась незавершенной в творчестве Толстого. Но если не завершена тема, то художественный образ Николая I в «Хаджи-Мурате» вполне закончен.

Николай I в изображении Толстого — это олицетворение крайнего деспотизма, воплощение тупой и мертвой силы, которая мешает жить людям. Такова общая морально-этическая оценка, с точки зрения которой Толстой и проводит в «Хаджи-Мурате» прямую параллель между Николаем и Шамилем, представляющими, по его мнению, «два полюса властного абсолютизма — азиатского и европейского». В целом ряде эпизодов Толстой дает сопоставление этих двух лиц, сближая их поступки иногда даже в деталях. Для Толстого Шамиль такой же, как Николай I, бездушный, лицемерный, ослепленный фанатизмом насильник. Не сосредоточивая своего внимания в повести «Хаджи-Мурат» на образе Шамиля, Толстой более развернуто и детально рисует образ Николая I со всеми его отвратительными качествами как самодержца и как человека.

Представителям азиатского и европейского деспотизма в повести противопоставлен Хаджи-Мурат, человек искренний и цельный, ищущий естественной свободы и страстно, «до последнего» отстаивавший ее. Толстой интересовался историей и действительной жизнью Хаджи-Мурата и сделал всё возможное для выяснения деталей его биографии. В бытность свою на Кавказе писатель, повидимому, не встречался с Хаджи-Муратом, но о выходе его к русским знал. Сочувствуя уже тогда борьбе горцев, Толстой дал оценку этому событию в письме от 23 декабря 1851 г. к брату Сергею Николаевичу: «Второе лицо после Шамиля, некто Хаджи-Мурат, на днях предался русскому правительству. Это был первый лихач (джигит) и молодец во всей Чечне, а сделал подлость». ¹ Но в повести, написанной более чем через полвека, Толстой отказался от своей прежней оценки поступка Хаджи-Мурата и дал этот образ опять-таки в морально-этическом, но не социально-политическом, плане.

Таким образом, историзм Толстого в «Хаджи-Мурате» имеет как сильные, так и слабые стороны, обусловленные противоречивостью Толстого-художника, мыслителя, проповедника.

¹ Т. 59, стр. 132—133.

II

В статьях, публикуемых в 35 томе, отразились почти все стороны учения Толстого. Он выступает, по определению Ленина, «как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства». ¹

«Толстовские идеи, это — зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, — писал В. И. Ленин в 1908 г., — отражение мягкотелости патриархальной деревни и заскорузлой трусливости «хозяйственного мужичка». ²

Толстой отражает настроение патриархального крестьянства «так верно, — подчеркивал Ленин, — что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира, «непротивление злу», бессильные проклятья по адресу капитализма и «власти денег». Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что слилось в учении Толстого». ³

Отчуждение от политики, от борьбы и обращение к богу свойственно тем социальным слоям, которые отчаялись найти реальный выход из бедственного положения. А русское патриархальное крестьянство после реформы 1861 г. являлось именно таким социальным слоем. Весь опыт человеческой истории показал, что крестьянство, вследствие того, что оно было связано с отсталым способом производства, из-за своей раздробленности, неорганизованности, политической несознательности не могло само, своими силами добиться освобождения. Будучи беспомощным в деле своего освобождения, крестьянство не могло иметь сколько-нибудь цельного и тем более последовательного революционного мировоззрения. Временами стихийно возмущавшиеся крестьянские массы России искали выхода из своего бесправного и угнетенного состояния и не могли найти его.

Толстой сочувствовал бедственному положению крестьянства, но вместо действительных средств его освобождения: борьбы, революции — проповедовал самоусовершенствование и «не-

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 15, стр. 183.

² Там же, стр. 184.

³ Там же, т. 16, стр. 302.

протivление злу насилieм» и тем самым обнаружил, по словам Ленина, «в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю». ¹

В статье «К рабочему народу», написанной в 1902 г., ярко проявились черты реакционной проповеди Толстого. В этой статье Толстой вскрывает враждебный народу эксплуататорский характер царского самодержавия и одновременно пророчит провал всякой попытки с помощью революционного насилия положить конец этой власти. Из того исторического факта, что крестьянские бунты никогда не приводили к освобождению трудящихся от эксплуатации, Толстой сделал реакционный вывод, будто никогда никакой «бунт» или революция (что для него равнозначно) не приведет к освобождению. Толстой не видел, не понимал качественного отличия рабочего класса от крестьянства. Для него рабочие, занятые на фабриках и заводах, — это те же крестьяне, только испорченные и развращенные тем, что искусственно вырваны из естественной и якобы единственно полезной и нужной для всякого человека деревенской жизни и втиснуты во вредные людям условия городской цивилизации.

Толстой страстно обличал капитализм, но считал, что спасение человечества состоит в возвращении от городской «порочной» цивилизации к земледельческому труду.

Мешает этому возвращению, по его мнению, то, что земля, которой хватит «на всех», в огромном количестве составляет частную собственность людей, не только на земле не работающих, но при помощи ее угнетающих других. Эта система охраняется всеми силами государства, а в особенности его главной силой — войском. Нужно поэтому только одно, — говорит Толстой, — изыскать средства вернуть землю народу. Лучшим проектом возвращения земли он считает проект Генри Джорджа, которого Ленин назвал «буржуазным национализатором земли». Согласно этому проекту должно быть точно определено количество земли, нужное отдельному человеку для собственного

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 16, стр. 295.

прокормления. Вся земля сверх этой нормы облагается единым поземельным налогом в таком размере, который сделал бы для владельцев просто невыгодным владеть лишней землей. Это вызовет естественное перераспределение земли и, как следствие — переустройство всего общества. Государство, которое всегда стояло за неработающих, будет, конечно, мешать этому, но если рабочие откажутся служить в войске, то государство делается бессильно, и таким образом «всё образуется».

Не менее реакционна и беспомощная попытка Толстого критиковать социализм, которого он не знал, не понимал и не мог понять, так как являлся выразителем настроений большинства того крестьянства, которое не видело еще, какие общественные силы способны принести избавление трудящимся массам.

Бичуя буржуазно-помещичье государство и его аппарат насилия — войско, ясно видя уродливость буржуазной цивилизации и предлагая утопические проекты спасения от ее «язв», Толстой выражал настроения русского крестьянина, который с ужасом видел, как почва ускользает из-под его ног, как задыхается он от безземелья и малоземелья, как отнимается его земля, а сам он превращается в сельского пролетария. Всё это, в представлении патриархального крестьянина, шло из города и от города.

Требование земли было всеобщим требованием русского крестьянства накануне первой революции. Эти настроения русского крестьянства и его мечту о земле и выразил Толстой в статье «К рабочему народу».

Вопрос о земле был одним из тех великих вопросов, которые писатель поставил, но разрешить оказался не в состоянии.

Вопрос о земле был правильно поставлен и действительно разрешен лишь партией большевиков. Русское трудящееся крестьянство пошло по пути, указанному Лениным, и получило землю только в результате Великой Октябрьской социалистической революции.

В статье «К политическим деятелям» Толстой пытался обосновать предложенные им средства искоренения общественных зол путем того же самоусовершенствования и «непротivления злу насильем» и убедить политических деятелей, защищающих

правительства эксплуататоров, в том, что их деятельность безнравственна, а борющихся против правительства — в том, что их борьба ни к чему не приведет, а лишь ухудшит положение трудящихся.

В век технического прогресса, писал Толстой, власть стала несокрушима, «Чингис-хан с телеграфом» еще более непобедим, чем прежний Чингис-хан. Если революция и победит, то новая власть якобы всё равно не обеспечит свободы людям, и вообще стремление людей к материальному благополучию недостойно человека и т. д. Поскольку средства и силы, поддерживающие правительство, благодаря техническому прогрессу изменились, то и средства искоренения зла должны быть новыми. Эти новые средства и предлагает Толстой — самоусовершенствование и «непротivление злу насилieм».

Реакционность подобной проповеди Толстого, одинаково обращенной и к хозяину и к работнику, очевидна. От нее веет духом идеологии «восточного строя, азиатского строя».

«Отсюда, — писал Ленин, — и аскетизм, и непротivление злу насилieм, и глубокие нотки пессимизма, и убеждение, что «всё — ничто, всё материальное ничто»... и вера в «Дух», «начало всего», по отношению к каковому началу человек есть лишь «работник», «приставленный к делу спасения своей души», и т. д.).¹

Толстой понимал, что идущая долгие века борьба в человеческом обществе — это в основном борьба между властью и народом, а не между разными группами властителей, как ее пытались представить дворянские и буржуазные идеологи. Но Толстой не видел того, что это была классовая борьба между угнетенными и угнетателями, не видел экономической основы этой борьбы, а поэтому весь процесс общественного развития представлялся ему как чисто механическая смена «одной власти другою, и этой другою еще третьею и т. д.», пока, наконец, власть не сделалась «несокрушима».

Толстой просмотрел то, что вместе с новыми условиями (т. е. эпохой капитализма) возникла и совершенно новая сила — промышленный пролетариат, которому суждено стать могильщиком капитализма.

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 17, стр. 34.

Ценность статьи «К политическим деятелям» заключается в той уничтожающей критике, с которой Толстой обрушился на буржуазные демократии. Великий художник отчетливо видел, что форма государства, существующая в так называемых демократических странах: Англии, Франции и «обетованной земле» капитализма — Америке, ничуть не лучше для народа, чем царское самодержавие, а своими тягчайшими формами угнетения трудящихся, утонченным лицемерием и маскировкой самой беззастенчивой эксплуатации колониальных народов зачастую еще хуже. Толстой указывает, что истинное лицо буржуазной демократии — в рабстве негров в Соединенных Штатах, в уничтожении независимости буров, в милитаризме Франции. В то время как буржуазные либералы на все лады прославляли западный парламентаризм, считая его образцом для России, «горячий протестант, страстный обличитель» Толстой бичевал буржуазную демократию за ее антинародную, эксплуататорскую сущность.

В третьей из публикуемых в настоящем томе статей — «Что такое религия и в чем сущность ее?» — Толстой излагает свое религиозное учение, а вместе с тем резко критикует официальную церковь за ее фальшь, лицемерие, эксплуататорский характер. Это — типично толстовская противоречивость. У Толстого, писал Ленин, «борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, то есть нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс».¹ Толстой стремился дать «очищенную» религию, т. е. приведенную в соответствие с развивающимся знанием человека об окружающей его природе, свободную от всяких чудес, легенд и т. п., а также и от связей с государством, словом, такую религию, которая, по его словам, должна была не разъединять, а объединять всех людей.

Религия Толстого обладает основным, определяющим признаком всякой религии, т. е. в конечном итоге опирается не на знание, не на обобщенный человеческий опыт, не на науку, а на веру и, как всякая религия, закабалает человека.

Совершенно правильно подчеркивая, что церковь во все века защищала и поддерживала эксплуататоров и что всякая религия всегда приспосабливалась к их нуждам, Толстой

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 16, стр. 295.